

*Мерлин**Новак-Нехорьски*

МАСТЕР КРАБАТ

добрый лужицкий волшебник

1

Давно это было, более 300 лет назад, после окончания большой войны, которая тридцать лет свирепствовала на этих землях и пожрала великое множество деревень, городов и людей. Это было очень тяжелое и печальное время. Солдаты и разбойники бесчинствовали повсюду, разоряли и жгли дома, оставляя за собой лишь пепел и руины. И даже если никого не убивали, то обирали людей до последней нитки, выметали все до последней крошки и тем самым обрекали на голодную смерть.

Народ впал в беспросветную нищету. Воистину, дикому зверю жилось в то время лучше, нежели человеку!

Разумеется, не у всех дела шли так плохо. Юнкеры, ни в чем себе не отказывая, веселились и наслаждались жизнью пуще прежнего. Во время войны, будучи офицерами, они хорошо погрели руки на чужом добре. Император вернулся в Вену и больше не командовал ими, так что они могли делать все, что им заблагорассудится. А все эти курфюрсты, князья, герцоги, графья – вся эта благородная шайка – помышляли лишь об одном: жить в роскоши, устраивать небывалые пиры и шумные праздники, не забывая при этом драть со своих подданных, бедных крестьян, три шкуры и выколачивали из них последнее, а те молча страдали, и страдания их тронули бы даже камень.

Но, пожалуй, хуже всего было в то время в землях лужицких. Суровая нужда и беспросветная нищета душили деревенский люд, которому юнкеры запрещали даже танцы и праздничные наряды. На увеселения и праздную жизнь имели право лишь господа, а крестьяне должны были изо дня в день тянуть свою холопскую лямку.

С церковных амвонов священники призывали измученный народ терпеливо и смиренно нести свой крест, уповать на небеса и сердцем верить во спасение.

Большинство верующих с трудом понимали слова духовных пастырей, которые обращались к ним на чужом для них языке. Поэтому ничего удивительно не было в том, что они порой предпочитали действовать согласно старинной поговорке: молодым дубкам да господам надо вовремя макушки подрезать. Так

что крестьяне время от времени брали в руки косы, вилы и цепа, чтобы обуздать зло и покончить с несправедливостью. Конечно, это не помогало, юнкеры превосходили их в силе и вскоре брали верх, а побежденные бедняки отбывали барщину еще более жестокую, чем раньше. Они мечтали о том, что придет время и пробудятся спящие герои в горах Капоница и освободят

многострадальный лужицкий край и его несчастный народ. И в сказках своих они рассказывали, что в один прекрасный день явится на свет некий великан, исполненный необыкновенной силы и чудной власти, быть может, даже волшебник, которому ведомы тайные смыслы, слова заклинаний и магические знаки, владеющий всеми известными науками и более могущественный, чем их жестокие тираны за стенами замков.

2

Беднейшими среди бедных сербских крестьян были пастухи. За кусок черствого хлеба они вынуждены были изо дня в день, и в дождь, и в ветер, с восходом солнца гнать на пастбище господские стада и пасти овец, коров и свиней до той поры, пока не взойдет в вечернем небе пастушеская звезда.

Один такой бедный пастух жил в то время в Житке, небольшой деревушке на окраине сербской вересковой пустоши. Жил не лучше и не хуже других пастухов: трудился в поте лица, но все ту же затягивал пояс и все чаще, особенно с приближением зимы, жил впроголодь. Так вот был у этого пастуха из Житка мальчишка, не его собственный, а пасынок, которого звали Крабатом. Пареньком он был прилежным и работающим, не привыкшим сидеть сложа руки. С раннего детства он помогал отцу тем, что присматривал за деревенскими гусями, постепенно приучаясь к пастушескому труду.

Весной и летом пастыба гусей – не такое уж и плохое занятие, особенно когда сияет солнце, на лугах цветут цветы, разноцветные бабочки перепархивают с одного цветка на другой, а в кустах вереска, перебивая друг друга, весело щелбечут птицы.

Юный Крабат не мог налюбоваться на всю эту красоту, но ему хотелось видеть, знать и уметь еще больше. Весь мир, казалось ему, полон чудес, заповедных тайн и загадок, но не было рядом никого, кто бы повел его за собой, направил на путь и помог разгадать их.

Да, юный Крабат охотно учился бы, охотно и много, но вы должны знать, что школ в то время не было, по крайней мере, для бедных крестьянских детей. Учиться могли только отпрыски знатных и богатых людей, юнкеров и городских господ, которые считали, что будет лучше, если бедняки останутся глупыми, безграмотными людьми, ибо так с ними намного легче справляться. В середине весны Крабат с отцом перебирались на пастбище и находились там со дня святой Вальпургии до святых Симона и Иуды. Иногда им приходилось оставаться еще дольше – до тех пор, пока не начнут покусывать морозы, пока в воздухе

не закружат белые мухи, и лютый холод не погонит их к дому. Зима не дружит с бедностью, и когда она приходила, то приводила за собой в хижину пастуха голод и нужду. Она лишала семью хлеба насущного, и мать Крабата часто не знала, где раздобыть ей хотя бы горсточку муки или пшена для каши и киселя. Тогда юному Крабату ничего другого не оставалось, как собираться в путь и

идти по миру просить подаяния. Побираться мальчишке не нравилось. Стыдно ходить с протянутой рукой и собирать дань с каждой печной трубы. Ну да чем тут поможешь: голодное брюхо – безухо и глухо! Добрые люди, жалея бедного мальчика, никогда не отказывали ему в милостыни, но богатые скряги осыпали бранью и гнали взащей со двора.

3

Так уж случилось, что однажды ноги сами привели Крабата в большую, мрачную пустошь, что простиралась между Хойерсвердой, Зенфтенбергом и Бернсдорфом. Она была полна гнилых, вязких канав и черных водяных провалов, лесных болот и топей, где, притаившись в черной воде, подстерегал заплутавшего путника водяной, где в вечерних сумерках бродили дикие лесные девы, а по ночам мерцали блуждающие огоньки.

Другой бы даже близко не подошел к этим гиблым местам, чего нельзя было сказать о Крабате. Ему не терпелось узнать, что скрывается за этой дикой и болотистой пустошью.

Ну, так вот, там у подножья трех холмов притаилась старинная деревушка Шварцхольм. А неподалеку от нее громыхала на ручье одинокая мельница.

Однако это была не совсем обычная мельница, недаром ведь в народе ее прозвали Чертовой. И мельник на ней был скверным человеком, который причинял людям одно только зло. И вовсе даже не тем, что обманывал помольщиков на их муке, – так делали и другие жадные и бессовестные мельники, – нет, он был злым, коварным волшебником, который не просто водился с нечистой силой, а заключил с ней сделку.

Черный мельник был не из тех мелких, жалких колдунов, которые на девяти межах косят чужую траву, сквашивают молоко или пускают красного петушка в соседский хлев. Не из тех, кто подкладывает под порог дома волшебные травы, чтобы масло не взбивалось, а коровы вместо хорошего, жирного молока давали сыворотку и не телились. И даже не из тех, кто в Вальпургиеву ночь верхом на сороке, метле или печном ухвате, спешит к Кошенской горе – на шабаш ведьм.

Конечно, все эти штуки мог бы проделывать и мельник из Хольма, но он редко занимался подобными глупостями, поскольку от них ему, жадному и ненасытному, выгоды не было никакой. Он был волшебником в большом и в малом, и если вы помните, некогда заключил союз с самим дьяволом, так что деньги у него были, много денег, а сверх того еще и золота, сокровищ и других богатств, которые он загребал и копил, как хомяк пшеницу. Он верил,

что с помощью денег сможет получить все, но главное – власть, ведь власти он жаждал более всего.

У Черного мельника было двенадцать работников. Надо сказать, что на самом деле они были не просто подмастерьями, поскольку, помимо мельничного ремесла, он обучал их еще и волшебству. Да, эта Чертова мельница в Хольме была так называемой Черной школой! Разумеется, мельник учил подмастерьев ровно настолько, чтобы они были в силах помогать ему в его темных делах. Ему и не нужно было, чтобы они становились настоящими волшебниками, которые однажды превзошли бы своего учителя и, в конце концов, начали собирать плоды в своих собственных садах.

Тому, кто чересчур прилежно учился и слишком много знал, это ничего хорошего не сулило. Такой всезнайка-подмастерье мог заранее попрощаться с жизнью. Каждый год в канун Рождества один из подмастерьев погибал, и каждый раз непременно лучший из них. Кто-то тонул в запруде на мельничном ручье, кто-то, прихваченный мельничным колесом, попадал под зубья деревянных шестерен или разбивался, придавленный насмерть тяжелым мешком. Поговаривали, будто Черный мельник таким образом рассчитывается с нечистой силой и платит дань за ее услуги...

Вот на эту зловещую, мрачную мельницу и приплутал юный Крабат. Быть может, он ничего не слышал о Черном мельнике, а если бы и знал, то ни за что не повернул бы назад. Он был не из робкого десятка, к тому же давно мечтал собственными глазами увидеть, как работает настоящая водяная мельница,

потому что в деревнях пользовались обычными ручными жерновами. Черному мельнику сразу приглянулся нищий попрошайка, с восторженным любопытством следивший за падающей с лотка водой. К тому же в то утро мельник собирался отправиться на поиски какого-нибудь смышленного паренька, взамен одного из двенадцати подмастерьев, который незадолго до этого таинственным образом исчез.

подмастерьев, который незадолго до этого таинственным образом исчез.

Так что, сделать это оказалось намного легче, чем он думал. Ведь если кто-то очень хочет, то его стоит только мизинцем поманить – и он твой!

На свете есть занятия куда лучше и интереснее, думал Крабат, чем пасти гусей. А управляться со всей этой диковинной, грохочущей машиной – мельничным колесом и каменными жерновами – казалось ему делом хорошим! Когда же мельник напоследок, загадочно улынувшись, добавил, мол, помимо ремесла мельника, он сможет научиться у него кое-чему другому, быть может, более полезному, Крабат охотно согласился. И они ударили по рукам.

Так юный Крабат стал учеником на мельнице в Хольме, где вместе с другими одиннадцатью подмастерьями должен был, не разгибая спины, от рассвета до заката выполнять самую грязную и тяжелую работу, а мельник строжился, не давая своим ученикам ни минуты продыха, и постоянно подгонял их. Несмотря

на это, Крабату пришлось по душе его новая работа: тем более что всякое дело спорилось у него в руках, и наедаться он мог вдосыть. В общем, такая жизнь поначалу казалась ему не такой уж и плохой.

Черный мельник неспроста намекал на то, что он может еще кое-чему научить, помимо ремесла мельника. Когда ему стало ясно, что юный Крабат не из тех, кто даром щи хлебает, и что он на многое способен, тогда только он начал посвящать его в секреты своего волшебства. Крабату нравилось его второе ремесло — волшебство казалось ему забавным занятием. Он все схватывал на лету, но хотел знать и уметь больше того, чему их обучал мельник. Крабат догадывался, что в Коракторе, в этой старинной книге с белыми буквами на черных страницах, в которую мельник даже краешком глаза никому не позволял взглянуть, скрывается еще очень много удивительного, чудесного и мудрого.

Так проходил месяц за месяцем. Миновали весна, лето и осень. Крабат овладел всем, чему мог или хотел его научить Черный мельник. Уже скоро он превзошел в волшебстве своих товарищей и стал самым искусным среди них.

Но теперь он все чаще стал задумываться над тем, что рассказывали ему другие подмастерья, с тревогой ожидавшие приближения очередного Рождества, и ему становилось не по себе. Он многое бы отдал за то, чтобы оказаться как можно дальше от этой мрачной мельницы. И тогда его охватывала жгучая, глубокая тоска по бедной пастушеской хижине, по отцу и матери, которых покинул однажды, даже не попрощавшись.

Он с радостью сбежал бы от своего хозяина, но чувствовал, что здесь его удерживает некая тайная сила, что мельник имеет власть над ним и по-хорошему уйти не даст, если только не пойти какую-нибудь хитроумную уловку.

Крабат был хитрым как лис и, кажется, уже кое-что придумал. Он упрямил мельника отпустить его на денек-другой, чтобы навестить родителей, которых так давно не видел и которые ровным счетом ничего о нем не знали.

И случилось чудо: мельник позволил ему покинуть мельницу!

Какой же неподдельной были радость в хижине пастуха в Житке, когда казалось бы без вести пропавший сын неожиданно появился на пороге родного дома! Но эта радость сменилась печалью, когда отец и мать узнали, в какую коварную ловушку угодил молодой Крабат. Отец молчал и хмурился, а мать, ломая руки, заливалась горючими слезами. Только Крабат унывать, как видно, и не собирался.

Он рассказал им, как заставить волшебника отпустить его на волю. Матушка должна будет отправиться в Хольм и выпросить своего сына у злого мельника. Чародей заведет ее в темную каморку на чердаке, где все подмастерья в обличье черных воронов будут сидеть на жердочках. Потом он потребует от матери признать в одном из них своего сына, и когда она укажет на Крабата, мель-

нику ничего не останется, как тотчас же освободить его, ибо бессильны любые чары перед материнской любовью.

Крабат уверял, что она без труда узнает его. И тогда они вдвоем смогут вер-

нуться в Житк. Мать наконец успокоилась, а спустя несколько дней отправилась на мельницу в Хольм, где все произошло именно так, как говорил ей Крабат. На жердочках в темной, тесной камерке сидели двенадцать черных воронов: одиннадцать смотрели направо, а двенадцатый, прихорашиваясь, чистил клювом перышки под левым крылом. На него-то и указала мать, и он действительно оказался ее сыном Крабатом, которого Черный мельник с такой неохотой, едва сдерживая гнев, отпустил на все четыре стороны. И Крабат с матерью, веселые и счастливые, отправились домой. Но надо сказать, что Крабат ушел с мельницы не с пустыми руками – ну, конечно же, он прихватил с собой волшебную книгу.

5

В хижине пастуха из Житка мало что изменилось. Все те же голод, холод и нищета. Однако Крабат более не желал терпеливо переносить все это. Тощий Ганс, как называли голод в сербских деревнях, не будет больше поварничать в их дому, и, вообще, довольно кисели из ржаной муки хлебать да сухие корочки жевать!

Он многое узнал на мельнице в Хольме, а то, чему не научил его Черный мельник, нашел в волшебной книге, которую похитил у своего бывшего хозяина. Теперь ему по силам было помочь себе и своим близким.

«Послушайте, отец, – сказал Крабат, – мне это совсем не нравится. Другие жрут от пуза, а мы постоянно должны жить впроголодь! Видеть этого больше не могу. В конце концов, на мельнице в Хольме я кое-чему научился! Знаете что, я превращусь в жирного, откормленного быка, и тогда вы сможете продать меня за хорошие деньги скототорговцам из Кулова или Каменца, этим мерзким потрошителям кошельков. Да не бойтесь вы ничего! Я не позволю забить себя, и уж тем более не намерен вечно оставаться быком. А потом я сбегу и снова вернусь к вам, как ваш сын Крабат. Но только прошу вас, отец, крепко-накрепко запомнить: вы не должны продавать вместе со мной веревку, привязанную к рогам, иначе я не смогу избавиться от бычачьей кожи и вновь превратиться в человека».

Отец пришел в ужас от дерзких слов Крабата и, даже когда поостыл немного, ничего слышать об этом не хотел: ведь он был честным и смиренным человеком: ему и в голову не могла прийти подобная мысль. Конечно же, эти толстопузые торговцы скотом из Кулова и Каменца были законченными негодьями, настоящими кровопийцами и пиявками, которые обманывали бедных крестьян и готовы были содрать с них последнюю рубашку. Но таким образом отнимать у этих мошенников и подлецов даже малую часть нечестно нажитого добра – нет, об этом отец Крабата и подумать не смел...

Старый пастух не успел даже глазом моргнуть, как Крабат исчез, а за окном раздался протяжный, оглушительный рев быка. Такого пастух никогда еще в жизни не видел: перед ним стоял бугай – громадная, дебелая скотина. Настоящая рогатая гора...

Пастух понял, что под бычачьей шкурой скрывается его пасынок; он помедлил чуток, прислушался к требовательному реву быка, вздохнул, а потом, потянув за веревку, привязанную к рогам, повел его на скотный рынок в Кулов. Появление быка, который был Крабатом, вызвало на рынке немалый переполох. Торговцы едва не передрались из-за него. В конце концов, один толстяк из Каменца перебил всем цену и купил быка, выложив за него кучу звонких

монет. Отец Крабата положил деньги в кошелек, снял с головы быка веревку и поспешил в обратный путь. Торговец скотом тоже отправился домой. Он радовался, что ему удалось надуть, или, как он любил говорить, ложечкой побрить, очередного деревенского дурня, и уже подсчитывал, сколько выручит за этого тучного быка у себя в Каменце.

Так он дошел до Житро, где его неодолимо потянуло в придорожную корчму. «Могу я позволить себе пропустить стаканчик-другой за столь удачную покупку?!», подумал он. В корчме он застал нескольких своих сотоварищей, и вскоре они уже наперегонки поднимали одну кружку за другой. Быка он оставил в хлеву и, поскольку возвращаться домой не спешил, велел служанке накормить рогатую скотину. Однако Крабату к тому времени уже порядком поднадоела бычья жизнь, и, когда служанка вошла в хлев с охапкой сена, он проревел человеческим

голосом: «Жуйте сами свое дурацкое сено. Принеси-ка мне лучше кусок сочной жареной свинины с клецками и кислой капустой!» Служанка от неожиданности выронила сено и едва не лишилась чувств: с говорящим быком она никогда еще не имела дела. Забрав в трактир, она споткнулась на пороге и, заикаясь от волнения, поведала подвыпившим торговцам о привередливом,

говорящем быке. Гуляки расхохотались, но потом все же отправились вместе с ней в хлев, чтобы собственными ушами услышать это говорящее чудо. Однако никакого быка они там не увидели – лишь небольшая ласточка, пролетев над их головами, выпорхнула из хлева. Как вы уже догадаться, это был Крабат, который, превратившись в ласточку, теперь спешно летел в Житк, куда добрался еще до того, как отец вернулся домой с куловского рынка.

6

В хижине пастуха в Житке теперь все пошло по-другому. На вырученные деньги они купили себе еды и питья. После многих лет голодных страданий они наконец-то смогли наесться досыта и теперь каждый божий день, как говорится, жарили сало на сливочном масле. За мясом и колбасой они быстро и охотно забыли про капусту и кашу.

Но мало-помалу деньги таяли, и нужда вновь вернулась в хижину. Однако переносить лишения теперь стало куда труднее, поскольку за это время они уже порядком подзабыли, что такое жить впроголодь. Тогда Крабат сказал: «Нам больше не придется голодать. Скоро в доме снова появятся деньги, и всего у нас будет вдоволь! На этот раз я превращусь в рослого, подбористого коня, а вы, отец, отведете меня в Кулов и продадите! Это вновь принесет нам кучу золотых, и тогда мы снова заживем в полном достатке и довольстве. Только, ради бога, отец, не продавайте вместе со мной уздечку! Иначе вы навлечете на меня беду, и я не смогу вновь вернуться домой, как ваш сын Крабат!»

У матушки на сердце захолонуло, и она стала отговаривать их, но Крабат и отец ее даже не слышали, будто уши у них вдруг одеревенели. Короче говоря,

уже через мгновение у порога пастушеской хижины, пританцовывая, появился горячий, статный жеребец. Старый пастух вскочил ему на спину и рысцой направился в Кулов.

На скотном рынке у всех аж глаза повылезали при виде этого удивительного жеребца. Торговцы, слетевшиеся со всех сторон, толпились вокруг отца Крабата, как мухи вокруг горшка с медом. Они трясли своими увесистыми кошельками и готовы были вывалить из них все до последнего, лишь бы заполучить гордого рыжего жеребца.

Однако пуще других, видимо, согретый туго набитым кошельком, напирал незнакомый рыжеволосый торговец лошадьми, он пристал к пастуху, как репей, и в конце концов купил лошадь за безбожные деньги.

Отец Крабата, следуя настоятельной просьбе пасынка, хотел было снять уздечку, но незнакомец грубо оттолкнул его, вскочил на коня и, пустив его галопом, скрылся из виду.

Крабат сразу признал в лихом наезднике злого мельника из Хольма!

Да, Черный мельник не забыл тот день и час, когда ему пришлось отпустить своего лучшего ученика. В бессильной ярости метался он по мельнице, когда вскоре после ухода Крабата обнаружил, что тот украл у него Корактор, книгу о великом искусстве черной магии. Все это время он мечтал поймать Крабата. И когда до его ушей дошла вся эта история с говорящим быком, он сразу догадался, кто скрывался под бычачьей шкуркой. Наконец-то ему представилась возможность поквитаться с ним!..

Всадник вытянул плетью бедного жеребца и вонзил шпоры, да так что кровь заструилась по его бокам. Не давая передышки, он безжалостно гнал его, не разбирая дороги – прямоком по камням да по ухабам, так, что вконец загнал Крабата. И это было еще не все! Черный мельник остановился у одинокой кузницы посреди Пустоши и приказал кузнецу немедля подковать коня на все четыре ноги... раскаленными добела подковами.

Кузнец пришел в ужас от услышанного. Он понимал, что здесь не все так чисто, и уже подумывал, как бы ему увильнуть от этой адской работы, но для начала пригласил чужака в кузницу, дескать, тот сам должен подобрать железо.

Ученик кузнеца, которому велено было попридержаться изнеможенного коня, сочувственно оглаживал ему бока и похлопывал по шее, И тут конь вдруг прошептал ему на ухо человеческим голосом: «Прошу тебя, скорее сбрось с меня уздечку, но только через левое ухо!»

Парень был удивлен и слегка напуган, но ему показалось, что он должен откликнуться на просьбу, и снял уздечку. Тогда нежданно-негаданно жеребец исчез, и в то же мгновение, выпорхнув из-под руки, затрепыхал у него над головой жаворонок и взмыл высоко в небо.

Когда Черный мельник вышел из кузницы и не обнаружил свою лошадь, а вместо этого увидел в небе выводящую звонкие трели птишку, он тут же догадался, что произошло, и что это была за птица.

«Ну, погоди, мерзавец, я тебя все равно поймаю», – проскрежетал он зубами и, превратившись в ястреба, бросился вдогонку за жаворонком. Такая сильная, хищная птица летит куда быстрее небольшой певчей птахи, и, конечно, ястреб вскоре готов был схватить ее, если бы Крабат благоразумно не бросился камнем вниз и не нырнул прямо вглубь открытого ручья, где сразу превратился в рыбу. Крабат посчитал, что ненавистный Черный мельник потерял его след, и уже думал выбраться из глубокого ручья. Но тут появилась девушка с ведром, зачерпнула воды и – Крабат-рыба вплыл прямо в ведро, а уже там превратился в золотое колечко. Девушка удивилась, заметив на дне ведра милую блестящую вещицу, и быстренько надела его на палец. Чудесное колечко оказалось ей впору, и она была этому несказанно рада.

Но тут рядом с ней неожиданно возник незнакомый рыжеволосый мужчина и предложил за кольцо мешочек золота, и даже больше, но она отказала ему. Вы наверняка догадались, что это был злой мельник из Хольма, который все еще не терял надежды заманить в свои сети бывшего ученика, и утолить тем самым нестерпимую жажду мести.

Девушка занесла воду в дом и вернулась на двор покормить кур. В какой-то момент кольцо соскользнуло с пальца, потому что Крабату вдруг стало скучно и он превратился в овсяное зернышко. А злой волшебник, подстерегавший Крабата, незаметно прокрался между надворными постройками, превратился в петуха и начал старательно склевывать зерна, надеясь таким образом изловить Крабата. Терпение у Крабата лопнуло. Он был уже сыт по горло этой безумной погоней и решил раз и навсегда избавиться от преследователя. Крабат тут же превратился в лиса, набросился на петуха, в котором находился чародей, и перегрыз ему глотку.

Таким вот жалким, нелепым и бесславным оказался конец Черного мельника из Шварцхольма.

7

Крабат разделался со своим заклятым врагом, и теперь ему ничего не угрожало. Проданная лошадь принесла семье так много денег, что они могли долго жить без особых забот и тревог, хотя никто из них не собирался предаваться безделью, и отец с Крабатом продолжали заниматься своим пастушеским делом.

Каждое утро Крабат гнал свое хрюкающее, визгливое стадо на выпас и каждый раз, чтобы скоротать время, придумывал разные забавные штучки. Однажды, взяв в руки таракаву, он принялся наигрывать на деревянной флейте веселые сербские мелодии, а свинкам и поросятам приказал встать на задние ноги, выстроиться друг за другом и плясать.

В тот момент по проселочной дороге проезжал мимо роскошный крытый экипаж, запряженный шестью белыми лошадьми, с разодетым в пух и прах кучером на козлах, лакеями на запятках и слугами, форейтором и несколькими благородными всадниками в бархатных камзолах и в высоких белых париках. Никогда еще не видел Крабат столь нелепые, вызывающих смех наряды. В карете сидел дородный господин в пышных, расшитых золотом одеждах. Это был сам Август Сильный, король Саксонии, который короткое время находился в Польше и теперь возвращался в Дрезден на новые веселые пиры и празднества.

Король в своих многочисленных путешествиях повидал немало удивительных вещей, но потешно и весело танцующих свиней никогда в жизни еще не видел. Он пришел в полный восторг и приказал остановить карету, чтобы насладиться этим уморительным зрелищем!

Король решил, что парень, который может заставить свиней отплясывать, вероятно, способен на многое другое, и, недолго думая, приподнял Крабата за шкуру, усадил в карету и – оляля! – увез в Дрезден. Король был человеком сильным и никогда никого не спрашивал, хочет он того или нет; так что отцу ничего оставалось делать, как в одиночку собирать свиней и ломать голову над тем, куда мог подеваться его пасынок.

В Дрездене король, не зная, что ему, собственно говоря, делать с подобранным по дороге свинопасом, тем более, голова у него забита совсем другим, для начала отправил Крабата на кухню, подручным главного повара: таскать воду, потрошить птицу, чистить-резать лук-чеснок, натирать деревенский хрен, надраивать до блеска горшки, сковородки и кастрюли – в общем, выполнять всю дурную, грязную работу, за которую ни господские, ни придворные повара сами не брались.

Конечно, Крабат ни в чем не нуждался, жил в тепле и сытости, иногда балуя себя изысканными блюдами, которые перепадали с королевского стола в виде объедков, но работу его назвать сахаром было трудно. Тем более что придворный повар был ужасно угрюмым и зловредным человеком, который на дух не переносил деревенских парней и без каких-либо на то причин частенько раздавал им звонкие оплеухи, драл за уши или за волосы и всяко-разно издевался. Крабата это выводило из себя, и он начал всерьез подумывать, как ему поквитаться с поваром.

Когда король в очередной раз пригласил великое множество благородных дам и господ на большое праздничное застолье, главный повар должен был приготовить блюдо из запеченных петушков с лапшой, которое король просто обожал. С утра настроение у повара было еще более гадким и мерзким чем обычно, и потому уже к полудню Крабат получил свою порцию пощечин и подзатыльников.

«Ну, уж нет, с меня довольно, – окончательно вышел из себя Крабат. – Мне совсем не нравится, что этот жалкий кашевар постоянно вытирает об меня ноги. Я должен проучить его!»

Запеченные петушки, по мнению главного повара, в тот день удались как никогда, и лапша тоже была безупречной. Когда слуги внесли в обеденный зал разложенные на серебряных блюдах лакомства, в воздухе поплыли дразнящие ароматы, и у всех знатных господ и дам изо рта потекли слюнки.

Слуги приоткрыли крышки и обомлели от неожиданности... Вместо запеченных петушков на блюдах важно восседали мерзкие, жирные жабы, а вместо лапши из-под крышек выползали дождевые черви. От ужаса чопорные дамы и

юные барышни тут же попадали в обморок, а у господ, включая бравых генералов, душа ушла в пятки. Всем стало дурно от одного вида этих блюд.

Сердце короля наполнилось яростью. Грязные жабы и дождевые черви на королевском столе – ей богу, это было откровенной насмешкой над Его Королевским Величеством. Какая наглая выходка! Король был в бешенстве. Он велел немедленно привести главного повара. Тот громко плакал и молил о пощаде, при этом клялся и божился, что он ни в чем не виноват, но это ни на грош не помогло – и его упекли в тюрьму.

Когда, в конце концов, выяснилось, кто сыграл с поваром возмутительную, злую шутку, король заявил, что впредь не желает иметь никаких дел с таким неблагонадежным парнем, и велел ему немедля отправляться домой, с чем Крабат был полностью согласен.

8

Крабат больше не хотел быть пастухом. После королевского замка в Дрездене родной дом казался ему чересчур тесным гнездышком. Он решил покинуть Житк и отправился в путь как странствующий подмастерье: переходил с одной

мельницы на другую, нигде подолгу не задерживался, а за свою работу просил хозяев дать в дорогу немного еды – и брел дальше...

К волшебству Крабат почти не прибегал и пользовался им большей частью лишь для того, чтобы рассчитываться с мельниками, воздавая каждому по справедливости. Если из-за безветрицы надолго замирали крылья ветряных мельниц, и не было слышно их привычного мерного поскрипывания, Крабат посылал добрым мельникам напористый ветерок, а жадным и нерадивым свирепую бурю, которая с легкостью обламывала крылья и опрокидывала ветряки.

Злых мельников он лишал последней капли воды в ручье, после чего на мельнице становилось тихо как в церкви, в то время как у добрых, честных мастеров, которые вынуждены были в засуху неделями сидеть без дела, вода в мельничных лотках переливалась через края.

Так странствовал Крабат по городам и весям, а стоустая людская молва о его праведных делах, милых и небезобидных проделках, опережая его, разнеслась по всей Лужице. Бедные прославляли Крабата, а богатеи побаивались и предпочитали избегать встреч с ним.

9

Крабат шел по землям Будишина, Хочебуса и Мишно, и наверняка еще долго бродил бы по дорогам, не случись нечто, что полностью перевернуло его жизнь. Император Германии начал войну за освобождение Венгрию, которую хотел вырвать из-под власти турецкого султана. Король Саксонии состоял в союзе с императором и должен был ему помогать. Для этого ему, разумеется, нужны были солдаты, готовые отдать свои жизни за короля и отечество. Королевским

вербовщикам было приказано набрать новых солдат, по-настоящему сильных и рослых парней, способных задать чертей любому врагу. Крабат не отличался богатырским сложением, но был видным и довольно-таки крепким парнем, и одним из первых попался им на глаза. Каким образом Крабат угодил в расставленные ими сети, не знает никто, но так или иначе он вновь очутился в Дрезден, на этот раз в казармах, в качестве рекрута-новобранца.

Теперь Крабат вместе с другими новобранцами вынужден был постигать новую для него науку стрелять-колоть-рубить, но прежде всего – маршировать и подчиняться приказам командиров. При этом палка капрала довольно часто прогуливалась по его спине, как это было принято в то время в отношении солдат. Через пару месяцев каждодневной муштры Крабат в числе лучших отправился вслед за королем на войну.

Король Август, который одновременно отличался и страдал непомерным честолюбием, отважился принять на себя командование императорской армией. Выбор монарха, надо сказать, оказался не совсем удачным! Август был, как известно, человеком невероятной силы, который мог, как кренделек, переломить рукой железную подкову или, приподняв, держать на вытянутой руке взрослого трубача, но в искусстве ведения войны он ровным счетом ничего не понимал. Вот почему, к своему стыду и позору, он проиграл уже первое сражение. Но что было еще хуже, турки при этом пленили его самого. Ах, какое несчастье! Войско осталось без главнокомандующего, а Саксония без короля. И что теперь прикажите делать? Генералы и полковники сначала приуныли, а потом и совсем было пали духом. День и ночь они держали совет за советом и строили хитроумные планы по вызволению короля из плена. Да только вот с какого боку начать? – не знали. Наконец, одного из них осенило:

«Послушайте! Как же мне раньше это в голову не пришло! Ведь есть в моем полку некий сербский богатырь, паренек-свинопас или странствующий подмастерье, он называет себя Драват или Кабат, или что-то в этом роде. Он – парень толковый, сообразительный – в общем, такой маленький колдун, которого, честно говоря, давно уже следовало бы отправить на костер! Так вот, этот Драват, или Кабат, умеет превращаться в лошадь, быка или в любую другую скотину – когда-то он таким образом обвел вокруг пальца одного торговца, а еще на королевской кухне выкинул одну, так сказать, непозволительно дерзкую шутку. Так что, я думаю, этот чертов сербский колдун мог бы помочь нашему славному королю выпутаться из этой грязной истории, то есть я хотел сказать, вызволить его из плена. Что вы об этом думаете?»

У генералов и полковников на этот счет были различные мнения, но поскольку ничего толкового им в голову так и не пришло, они решили, что надо бы разок испытать этого сербского колдуна.

Крабат получил приказ немедленно отправляться в тыл врага, чтобы освободить из турецкого плена и доставить назад их короля и полководца. Каким образом? – это его дело! На то он и волшебник!

Крабат ничуть не удивился данному поручению, сказал только: «Будет исполнено!» – и попросил дать ему хорошего коня.

Сначала Крабат скакал вдоль дороги, а потом помчался напрямик через поля и наконец – вы только представьте себе! – поднялся в небо, под самые облака, и полетел быстрее ласточки.

Такой способ передвижения позволил ему быстро добраться до цели. И вскоре он уже парил над вражескими позициями. Под ним белели турецкие шатры, и лагерь весь кишмя кишел солдатами.

Вынырнув из-за облаков, Крабат опустился на ближайший луг. Позволив лошади разгуливать там, где ей заблагорассудится, он направился к лагерю и без особого труда проник в него. Конечно, не в своем человеческом облики, и уж тем более не в красном мундире саксонского пехотинца, в этом случае турки ту же порубили бы его на куски. Нет, он превратился в собаку, обыкновенную дворняжку, вислоухую бродяжку, на которую никто даже внимания не обратил.

Пес принюхался и, взяв след, без труда нашел палатку, в которой турки держали под стражей своего царственного пленника. Он, приветливо виляя хвостом, прошмыгнул мимо бородатого, страшного стражника прямо в шатер, где король, грустно поникнув головой, думал над тем, как ему выпутаться из этой беды.

Проникнув в шатер, Крабат вновь превратился из собаки в человека. Удивлению короля не было предела, когда перед ним словно из-под земли вырос браваый саксонский мушкетер!

«Спокойствие, Ваше Величество! – не дав королю даже слова промолвить, торопливо зашептал он. – У нас еще будет время поболтать. А сейчас мы должны побольше пыли напустить и незаметно улизнуть. Держитесь крепче за полы моего кафтана! Все остальное предоставьте мне! Ну же, давайте поживее!»

В неприятельском стане поднялся страшный переполох. Солдаты задирали головы и в растерянности метались с криками по лагерю, наблюдая как король Саксонии, повиснув на фалдах мундира Крабата, плавно летел-бежал из плена. Главнокомандующий турецкой армии, великий везирь, в бессильной ярости рвал на себе черную бороду, но потом вдруг вспомнил, что есть у него среди янычар некий волшебник, несколько лет назад перебежавший к ним от саксонцев.

Перебежчик получил приказ живым или мертвым вернуть короля Саксонии в расположение лагерь. И он, превратившись в черного орла, стремительно бросился вслед за беглецами.

Королю стало страшно до жути, когда черная хищная птица потянулась к нему своими когтями. Но Крабат проговорил короткое заклинание, и у них за спиной пролегла пелена густого, непроглядного тумана. Преследователь потерял их из виду, но лишь на короткое время, Прорвавшись сквозь нее, он снова нацелил свои острые когти на короля, у которого от страха все внутри оборвалось.

Но Крабат и тут нашел выход. Еще одно заклинание, и меж беглецами и их преследователем выросла гигантская каменная стена. Однако перебежчик оказался не менее искушенным волшебником.

«Что-то мне это не нравится! – сказал Крабат, когда черная птица преодолела и это препятствие. – Придется прибегнуть не к самому лучшему средству. Ничего не поделаешь, у каждой нужды своя цена!»

И он попросил короля оторвать одну золотую пуговицу с мундира, зарядил ею свой мушкет, прицелился через плечо и выстрелил. И он не промахнулся: по отчаянному крику за спиной Крабат понял, что они избавились от своего преследователя. Но в этом вопле ему послышалось что-то знакомое. Ну, конечно, это был голос его старшего товарища, вместе с которым они гнули спины на Чертовой мельнице и постигали азы волшебства. Крабату стало невыносимо больно от того, что ему ненароком пришлось убить своего давнего друга, и он горестно вздохнул: «Вот так всегда: повздорят между собою господа, завраждуют, а простые люди жизни свои должны класть ни за что ни про что, и друзья должны убивать друг друга из-за безрассудства и глупости королей и сильных мира сего!»

10

Король был искренне рад тому, что его приключения так счастливо завершились, и он целым и невредимым вернулся из турецкого плена. Впредь он должен быть более осмотрительным! Даже ребенок, однажды обжегшись, бежит от огня. Однако королю ума это не прибавило! Он вознамерился вновь отправиться в турецкий лагерь. А почему бы и нет? У него под рукой был волшебник, который наверняка вновь перенесет его туда и также благополучно вернет назад! Возможно, ему удастся выведать тайные планы и коварные замыслы турок! Возможно, потом ему удастся разбить врага и победно завершить войну! Хэй, это стало бы подлинным триумфом короля Саксонии Августа Сильного, прозванного турками Железной рукой! Об этом можно только мечтать!..

Получив приказ немедленно вместе с королем отправляться обратно в турецкий лагерь, Крабат задумался.

«Турки наверняка поумнели, – сказал он себе. – Теперь они будут зорко наблюдать за небом. Значит, надо придумать что-нибудь новенькое».

Тогда он превратил себя и короля в двух очень маленьких мушек, и они, весело жужжа, полетели к турецкому лагерю. Разумеется, это заняло чуть больше времени, но зато было гораздо безопаснее.

«Пока мы будем оставаться мухами, – сказал он королю, – с нами ничего не случится. Мух и комаров в лагере более чем достаточно, и никто не обращает на них внимания. А вот чего мы действительно должны остерегаться – так это серебра! Как только кто-нибудь из нас коснется любого серебряного предмета, мы снова станем людьми. И тогда нам не поздоровится!»

Король, разумеется, пообещал обходить все серебро стороной.

Поначалу все складывалось удачно: в тот момент, когда они подлетали к лагерю неприятеля, турецкие полковники уже собрались в шатре главного визиря на военный совет. Склонившись над картами, они обсуждали план сражения, по которому должны были разгромить армию императора и его союзников. И наши мухи приняли самое живое участие в их бурном разговоре.

Наибольший энтузиазм и непомерное любопытство, безусловно, проявлял король. Однако в своем желании выведать у врага как можно больше секретов он был чересчур назойлив и нахален и все время ползал кругами по карте страны между пальцами и карандашами вражеских офицеров. Неудивительно, что турки, в конце концов, ополчились на наглую муху, а главный визирь сделал даже несколько попыток самолично прикончить ее.

Спасаясь бегством, король, то ли не рассчитав и допустив небольшую оплошность, то ли забыв о предостережениях Крабата, коснулся серебряной ложки, которая лежала посреди стола. Легко представить, что за этим последовало: король, а вслед за ним и Крабат тут же превратились в людей. Турки только рты поразевали и глаза повыгаращили, когда перед ними внезапно возник обшитый золотыми галунами король Саксонии, а по правую руку от него саксонский солдат. Они и опомниться не успели, как Крабат с королем уже выскочили из шатра. На сей раз в погоню за ними бросился весь турецкий лагерь.

Впереди всех, с большим отрывом от остальных, почти наступая на пятки беглецам, бежал один солдат. Крабат охотно избавился бы от него, но убивать еще одного человека не хотел. Тогда он сорвал с пояса кольцо, которое тут же обратилось в обруч, и набросил его на голову турецкому солдату. Обруч соскользнул с плеч и тесным кольцом сковал

ему ноги, так что он упал как подкошенный. Если бы только Крабат мог видеть и слышать, как тот взывал о помощи к слесарям, чтобы те распилили обруч и освободили его. Но в тот момент они с королем бежали без оглядки. Это было последнее военное приключение Крабата. Война вскоре закончилась, потому что турки получили хорошую взбучку.

То ли волшебство Крабата помогло одержать победу, то ли турки потерпели поражение, сказать не могу, – в любом случае, вновь наступил мир, и солдаты в радостном расположении духа стали расходиться по домам.

11

Короли и князья, как правило, люди неблагодарные. Они думают, что прислуживать им – это главная обязанность простых людей, а за это – так они считают, – не требуется никаких особых благодарностей и наград. Поэтому мы бы несколько не удивились, если бы саксонский король своего спасителя отправил домой с пустыми руками, хотя и был он великим транжирой и сорил деньгами направо и налево.

Время от времени королю нравилось чувствовать себя благородным, милосердным и щедрым человеком. Так вот в один из таких дней, когда у него было особенно хорошее настроение, он решил отблагодарить своего отважного солдата, который дважды вырывал его из лап врага и помог благополучно выиграть войну. Он мог бы дать ему денег, но деньги нужны были ему самого, к тому же после войны их у него, можно сказать, и не было. Он мог бы назначить его камергером или министром, дать какое-нибудь теплое местечко при дворе, но посчитал, что деревенский парень для этого мало подходит.

«А не подарить ли ему какой-нибудь замок или поместье? – сказал он самому себе. – Их у меня так много, что большинство из них я даже в глаза не видел. Но с другой стороны, на что деревенскому простачку огромный замок или имение? Отдам-ка я ему хутор в Сархене, – там сплошь песок да болота, а еще лесок в три сосенки и грязная лужа с парой уток... Так что я ничего не теряю!»

Как говорится, сказано – сделано...

Отставному мушкетеру Крабату велено было явиться во дворец пред лицо короля, где ему сообщили, что Его Величество Король, принимая во внимание большие заслуги своего бесстрашного солдата, соизволили оказать ему милость и даруют с правом наследования хутор в Сархене с крепостными и всем недвижимым имуществом: овчарней и лесными угодьями, мельницей, винокурней и пивоварней. Мы знаем, что король в тот день настроен был весьма благодушно. Так что ничего удивительного не было в том, что напоследок он сказал: «Мой дорогой Крабат! Вместе с тем я предоставляю тебе право всегда и в любое время без предупреждения появляться передо мной! Никто из моих слуг, привратников и стражи не может тебе чинить препятствия в этом!» И подумал: «Посмотрим, что из этого выйдет!..»

Так теперь уже бывший пастух, ученик мельника, странствующий подмастерье и в недавнем прошлом саксонский мушкетер приступил к управлению хутором в Сархене. У другого бы на его месте руки опустились: много ли ты сможешь сделаешь, владея таким убогим хозяйством?! Но ведь Крабат был волшебником и умел помочь не только советом, но и делом.

Крабат изготовил из меди необыкновенное, волшебное зеркало. Он часто смотрел в него и узнавал обо всем, что творится в мире, и это было так забавно, а иногда и полезно, потому что таким образом ему удалось предотвратить немало бед. Благодаря волшебному зеркалу, Крабату было известно даже то, чем сейчас занят король, и что он собирается делать: не затевает ли с кем-нибудь ссору, не готовится ли начать новую войну или обложить бедный народ новым налогом, чтобы пополнить опустевшую казну, не замышляет бросить за решетку невинного человека и прибрать к рукам чужое добро. Тогда Крабат, памятуя о том, что у него есть право в любое время, без предупреждения появляться во дворце короля, приказывал своему кучеру немедленно запрягать и везти его в Дрезден.

Путь из Сархена до Дрездена неблизкий, а Крабат всегда спешил и потому передвигался не по дорогам, а, как самый настоящий волшебник, прямо по воздуху. Сразу за хутором его повозка поднималась под облака и летела дальше над Каменцем, Пульсницем, над поросшей вереском пустошью в главный город Саксонии – прямо к королевскому дворцу. Министры и придворные с трудом скрывали свое недовольство, однако поделаться с этим ничего не могли и вынуждены были допускать сербского волшебника к Его Величеству. Крабат держался с королем свободно, за словом в карман не лез и не льстил, а говорил прямо, без обиняков, называя вещи своими именами: дескать, так поступать негоже, а это, мол, вообще не пристало Его Величеству. Король Август делал большие глаза, ведь все это было для него внове: чтобы кто-то так прямо, в лицо, высказывал ему свое мнение. До сих пор все только расшаркивались, поддакивали и лебезили перед ними. Глядя на Крабата, король снисходительно улыбался, но всегда выслушивал его до конца. Иногда он следовал его советам и предостережениям, а иногда пропускал мимо ушей, потому что был человеком капризным и непостоянным как ветер. Это раздражало, выводило из себя угодливых министров короля, советников и весь прочий придворный сброд. Не однажды они пытались склонить короля к низким и подлым поступкам, из которых рассчитывали извлечь немалую выгоду для себя, но этой деревенщине

всякий раз удавалось переубедить его и тем самым расстроить их коварные планы. Министры и придворные были в ярости, но к Крабату близко подходить не отваживались: с таким колдуном, как говорится, вишни лучше не есть! И тогда они замыслили заговор против короля. «Долой короля, – решили они. – Его сын, ленивый придурок, безусловно, подчинится нашей воле и не станет связываться с этим деревенским увальнем! Он будет послушен нам. Долой короля!» На тайном совете они сговорились, что кравчий подаст утром королю

чашку отравленного кофе. «Король умрет, и все козыри будут в наших руках. А сербский чародей пусть потом хоть заколдуется, – мы все равно победим!»

Им наверняка удалось бы совершить задуманное, не взгляни Крабат в свое чудесное зеркало. Ну что, сказал он себе, время не терпит – пора ко двору! Оставив кучера дома, он решил сам править лошаадьми, поскольку в тот момент дорога была каждая минута. Его карета, промчавшись над рекой Шварце-Эльстер, летела все дальше и все быстрее, и вдруг – бац! – раздался треск, карета натолкнулась на какое-то препятствие и крепко застряла. Лошади тянули за постромки, но она даже с места не сдвинулась... «Проклятая верста!» – выругался Крабат, но потом, вспомнив, что в воздухе не бывает верстовых столбов, выглянул из окна кареты и увидел, что зацепился колесом за церковную колокольню. Этого только не хватало! Он приподнял карету за задок и вихрем полетел дальше. А покрякивающий шпиль на колокольне церкви Святой Марии в Каменце вы можете увидеть и сегодня.

Еще немного, и было бы поздно. Король уже держал в руке чашку с отравленным кофе. Кравчий стоял рядом, а за столом напротив в предвкушении скорой смерти короля сидела многочисленная придворная шайка. Как же они перепугались, как побледнели у них лица, когда вдруг на пороге появился сербский волшебник! «Не пейте, Ваше Величество! – воскликнул Крабат. – Пусть кравчий сам отведает кофе! И тогда станет ясно, что за дьявольское зелье он подал вам!» Кравчий, дрожа от страха как осиновый лист, поднес ко рту чашку, едва коснулся губами отравленного напитка, который собственноручно приготовил для короля, и тут же замертво упал. Так был раскрыт коварный заговор против короля Саксонии Августа Сильного... В тот же вечер в Дрезден из деревушки Лиса Гора выехал старый палач, чтобы вскоре бросить к королевским ногам головы высокородных преступников.

12

Так трижды Крабат выручал из беды короля, спасая от верной смерти. Слава его прибывала подобно полной вешней воде. Повсюду только и говорили о том, как добродетелен он, мудр и всемогущ.

И юнкеры наконец-то поняли, что не следует относиться с презрением к бывшему крепостному пастуху. В любое другое время они раздавили бы его как червя, но теперь окружили лестью и стали навязывать ему свою дружбу.

Никому не повредит иметь хорошие, приятельские отношения с тем, кто пользуется любовью и уважением простого народа, и с кем считается сам король. Но Крабат пропускал мимо ушей елейные речи лживых юнкеров, которые, как репей, приставали к нему, осыпая бесконечными приглашениями, и досаждали навязчивыми просьбами развлечь их каким-нибудь диковинным волшебством и неслыханным чудом. Кстати сказать, не только юнкеры, но и священники домогались дружбы Крабата. А что такого!? Друг короля – большой человек; нельзя лишаться расположения таких людей; от их щедрот всегда что-нибудь перепадает!

Особенно Крабат пришелся по сердцу куловскому пастору: тот частенько навещал его, чтобы поболтать о том, о сем, и нередко принимал у себя в Кулове. И все бы ничего, если бы священник не донимал его теми же просьбами позабавить его чем-нибудь чудесным.

«Ну, погоди, – сказал про себя Крабат, – сейчас я тебя подурочу, да так что ты надолго запомнишь это!»

Он взял небольшую мерку овса и всыпал ее в чугунок. Затем пробормотал магические слова из книги заклинаний, и из печного горшка – жаль, что вы не видели этого! – один за другим начали выпрыгивать солдаты. Целая рота, – нет, что я говорю! – целый полк пехотинцев выстроился в шеренги, плечом к плечу, и все во дворе дома куловского пастора и вокруг него стало красно от их мундиров.

Какая же это была замечательная затея! Солдаты маршировали, командиры кричали, грохотали барабаны, пехотинцы фехтовали на саблях и иступленно орудовали мушкетами и штыками, да так, что господин пастор и его кухарка не могли на них налюбоваться, то и дело удивленно всплескивая руками.

Когда солдаты, наконец, наигрались с оружием и намаршировались, им нестерпимо захотелось есть и пить.

Поэтому они стали выбирать яйца из-под куриц, отлавливать пасторских уток и гусей, выволокли из хлева жирную свинью и извлекли из подвала все до единой бутылки римского вина. Вот тут-то господин пастор нахмурил лоб: эта сторона истории совсем не нравилась ему, что вполне понятно, и тогда он

твердым голосом стал внушать солдатам, что воровство – величайший грех, и они должны немедленно прекратить безобразия. Но грубые, неотесанные солдаты не собирались каяться и посыпать голову пеплом, напротив – сильно разозлились, – так плохо они восприняли обличительные слова его проповеди. Они стали наседать на господина пастора, тыкать его прикладами, щекотать саблями и штыками, так что он пришел в полный ужас и позвал на помощь Крабата. Ну, Крабат, конечно, сжалился над ним, принес свою волшебную книгу, пробормотал свои заклинания, – задом наперед, – после чего солдаты сомкнулись в строю и двинулись маршем обратно в печной горшок, – туда, откуда они прибыли, и уже там, на дне чугунка, улеглись аккуратной горсточкой овса.

А господин пастор из Кулова больше никогда ни о чем не просил Крабата.

13

Слуга Крабата всегда с нескрываемым любопытством наблюдал за тем, как Крабат творит свои чудеса, ко всему прислушивался и все подмечал.

«Ну и что здесь такого! – говорил он про себя. – Подобное волшебство – вовсе даже и не великое искусство! Просто берут в руки Черную Книгу, Корактор, или как там она называется, открывают нужную страницу, проговаривают нужное заклинание – и вот уж все свершилось! Я тоже так могу».

И он с нетерпением ждал, когда Мастер однажды покинет хутор, а свою волшебную книгу и своего верного слугу оставит дома. Вот тогда-то...

Да, вскоре ему представилась такая возможность: Крабат уехал куда-то, не знаю, может быть, к пастору в Кулов, а, может, еще куда, но свою волшебную книгу намеренно не взял с собой, – устал он от разных чудесных забав, которые требовал от него любопытствующий народец. Короче говоря, слуга остался в доме один на один с Книгой, и это было весьма кстати.

Держа в левой руке Корактор, слуга взял горсть овса, бросил в печной горшок, пробормотал нужное заклинание, и вот уже из чугушка один за другим стали выбираться солдаты, и вскоре они заполнили весь хутор.

«Стройся! – командовал полковник, украшенный галунами усатый забияка. – Смирно! Ждем приказаний».

Дайте нам какую-нибудь работу да побыстрее!»

Вот те раз! – к этому слуга не был готов. Бледный как полотно, он с дрожью в голосе пролепетал:

«Там... за домом... лежит навозная куча. Вынесите навоз со двора и аккуратно раскидайте по полю!»

«Будет сделано!» – прокричал расшитый галунами усач.

Такое занятие, конечно же, недостойно королевских солдат, но приказ есть приказ! Мушкетеры поспешили к куче навоза, и очень скоро она растаяла как талый вешний снег.

«Приказ выполнен! – доложил полковник. – Солдаты ждут новых приказаний! Поспешите. В противном случае это может плохо кончиться!»

Слуга порядком струхнул: руки задрожали, ноги подкосились. Где взять столько работы для такой уймы людей?

«А может, вы наковыряете в нашей пустоши дыры, чтобы грибам легче было расти?» – ляпнул он первое что взбрело в голову.

Да, эта работа длилась чуть дольше. Но через некоторое время полковник вернулся и сердито буркнул:

«Все дыры просверлены! Пустошь полна белых грибов, красных и серых подберезовиков, каштановиков и маслят! Ждем дальнейших приказаний?»

Слуга в отчаянии ломал пальцы, и в конце концов его осенила очередная вздорная мысль: «Идите на Кулов и выройте обочь дороги яму, очень широкую и очень глубокую!» Делать нечего, приказы на то и приказы, чтобы их выполнять.

Ближе к закату солдаты вырыли гигантскую яму, а весь песок, который выгребли из нее, сбросили в одно место. И знаете, что из этого получилось? Вон тот большой пруд, что сверкает на солнце к западу от деревни, и высокий песчаный холм, который лежит рядом!

Закончив работу, солдаты вернулись на хутор. Слуга пребывал в полной растерянности, не зная, чем можно было бы их занять. Еще немного и разгневанные солдаты задали бы ему изрядную трепку. Но, к счастью, все закончилось благополучно: Крабат вернулся в Сархен и спас своего непутевого слугу. Он прочитал заклинание задом наперед, и вот уже солдаты послушно потянулись к печному горшку и скрылись в нем, где вновь стали овсяными зернами.

«Не хватай раскаленные угли, ими так легко обжечься! Теперь ты убедился, что волшебство – не шуточное дело? Не берись за вещи, с которыми не знаешь, как обходиться!»

14

Шли годы. Крабат старел, но с годами приобретал все больше мудрости и умения. Никто не мог сравниться с Крабатом. Он знал, умел и понимал все без исключения, он превосходил всех и имел власть над всеми. Если бы он только захотел, если бы ему это было по душе, то он мог бы стать самым могущественным и самым богатым человеком на земле. Но это никогда не заботило его. Он не стремился к власти и славе, не жаждал ни денег, ни сокровищ, ни богатств. Жил уединенно и работал на своем хуторе в Сархене. Даже при королевском дворе он больше не появлялся. Да и что ему там было делать? Самодовольный и падкий на развлечения король все меньше и меньше прислушивался к советам и наставлениям Крабата, все реже вспоминал о нем и, наконец, забыл: как говорится, с глаз долой – из сердца вон. Известное дело, у королей и у других важных господ короткая память, особенно, когда речь заходит об их подданных.

Перебирая дни своей многотрудной жизни, Крабат часто думал: «Ну и чего ты добился? Когда-то ребенком ты хотел знать все, понимать все и всем владеть! И вот ты стал волшебником. Ты помог себе, своим отцу и матери, чтобы они не знали больше нужды и страданий. Потом ты покончил с Черным мельником, который причинил людям немало зла; помогал добрым и бедным людям, и проучил немало подлецов. А позже, служа своему великому господину, должен был постоянно прикрывать его задницу и выдергивать занозы из ягодиц. И что ты за это получил? Этот убогий хутор, болота и пески, и грязные лужи. Люди говорят, что ты великий и непревзойденный волшебник. Наверное, в этом есть доля правды: тебе многое ведомо, ты многое знаешь и многое еще можешь... Но что ты совершил до сих пор? Превращался в жаворонка или быка, превращал лапшу в дождевых червей и овсяные зерна в солдат, летал по воздуху – да кому это было нужно, кому принесло счастье, кому помогло? Все это глупости, пустяки и шутовство! Иными должны быть плоды твоего волшебства!..»

Крабат понял, что необходимо сделать и как помочь людям, чтобы они были сыты и довольны, счастливы и веселы. И он принялся за работу...

По мере сил своих, он осушал болота и топи вокруг деревень, где между мхами, осокой и багульником стояла гнилая вода, и по ночам мерцали блуждающие огоньки. Пусть возрастают на них сочные, сладкие травы, гречиха и просо, лен и мак, лук, фасоль, горох, капуста и репа.

Он подводил по канавам воду к белесым, безжизненным песчаникам, на которых ничего не росло, кроме убогой веснянки, грубого булавоносца и жесткого серебристо-серого лишайника. Пусть на этой некогда скудной земле вызревают, высоко вскинув свои тугие колосья, рожь, овес и ячмень.

Если с востока на зеленеющие луга устремлялись сухие ветра, Крабат останавливал их, а когда надвигались безжалостный зной и засуха, призывал грозовые тучи и проливал их благодатными дождями на изнывающие от жажды поля

Силой его волшебства терновые кустарники превращались в чернослив и персиковые деревья, на ветвях диких лесных яблонь наливались соком сладкие как мед борсдорфские яблоки, плевелы превращались в ячмень, а пырей в пшеницу. Во время сенокоса и жатвы он настраивал погоду на добрый лад, нагоняя на небо стайки легких облаков, а когда

однажды с черно-желтого неба плотной стеной повалил град, Крабат превратил его на лету в белый пух, и тот лег на посевы, не причинив им никакого вреда.

Но Крабат по-прежнему был недоволен собой, считая, что может и должен сделать нечто большее. И однажды, после долгих раздумий, сказал себе: «Почему я до сих пор сижу на этом хуторе, подобно юнкеру, на этом клочке земли, который когда-то много веков назад отняли у сербских крестьян пришедшие из-за Лабы рыцари. Почему крестьяне здесь, на моих полях, по-прежнему отбывают барщину? Какое я имею на это право? С этим надо покончить – раз и навсегда!»

И тогда Крабат велел созвать всех своих подданных, крепостных и их семьи, а также лесничего и управляющего и обоих судебных приставов, и объявил собравшимся во дворе, что с сегодняшнего дня он отменяет на своих землях крепостную зависимость и весь подневольный труд, и что крестьяне за это ничего не должны платить. И что каждый может делать то, что он хочет, и жениться, не спрашивая господского разрешения, словом, отныне они могут считать себя свободными людьми.

А потом Крабат сказал, что все свои поля и все имущество он решил разделить на сорок частей и передать своим бывшим подданным в полное и вечное владение, и что теперь все хутора, поля, луга, пастбища и весь скот принадлежат им. Разве что пруды необходимо будет вернуть королю.

Когда крестьяне услышали такое от хозяина Сархена, то возликовали, а женщины стояли молча и растроганно утирали глаза. Только управляющий, лесник и судебные приставы нахмурились-набычились, понимая, что прошли-миновали для них счастливые времена, а владельцы хуторов побогаче стояли с кислым выражением на лицах, поскольку они также остались ни с чем.

15

Прошло много лет. Крабат стал глубоким стариком, над чьей головой клубились длинные серебристые волосы. Он жил теперь в Сархене, в маленькой каморке над корчмой, хозяйева которой взяли на себя все заботы о нем. Старик часто бродил по полям и лугам и радовался новой, счастливой жизни бывших

своих крепостных. Они больше не нуждались в магии и колдовстве. И тогда Крабат сказал:

«На что мне теперь старинный Корактор? Зачем он честным, прилежным и трудолюбивым людям? Пришло время распрощаться с ним!»

И он позвал своего старого слугу, который не покидал его все эти годы, вложил ему в руки Корактор и приказал бросить волшебную книгу Черного мельника в большой пруд, который оставили после себя «овсяные» солдаты у дороги на Кулов.

Слуге жалко было расставаться с такой полезной и нужной вещью, которая могла бы кому-то помочь в достижении прекрасной и желанной цели и принести еще немалую пользу людям. Он припрятал ее в своей комнате, положив под матрац.

– Ну что, ты бросил книгу в пруд? – спросил он.

– Да, – сказал слуга, потупив взгляд, и покраснел.

– И чем же на это ответила вода?

Своим вопросом Крабат загнал слугу в угол, и тот молчал, не зная, что сказать.

– Ты сейчас же вернешься и бросишь книгу в воду, – строго-настроено приказал Крабат.

Слуга пошел и закинул книгу на середину пруда. Ух! это было похоже на то, как если бы вы сунули в воду раскаленное железо, только во сто крат мощнее и еще более угрожающе! Вода пенилась, шипела, бурлила и рокотала. А затем вскипела и взволновалась, словно в глубине, сплетаясь в один клубок, ворочались и бесновались водяные драконы. Пруд стал похож на дикое взбаламученное море, от чего слуге стало жутко. Леденящий ужас сковал его тело; он едва не лишился чувств и, полуживой, насилу добрался до дома...

Крабат лишь мельком взглянул на слугу и сразу понял, что он сделал **все**, как он велел, – и остался доволен.

* * *

Жизнь Крабата клонилась к закату. Больной и обессилевший лежал он в таверне неподалеку от Сархеном и ждал, когда его поцелует в лоб Белая Богиня смерти. И все это время, до самой последней минуты, верный слуга ни на шаг не отходил от него.

Еще раз оглядел Крабат всю свою горькую жизнь и посетовал:

«Ты слишком мало сделал, ах, как мало! Конечно, жители Сархена счастливы и довольны, и жизнь у них пошла на лад. Но вокруг еще столько горя и несправедливости! Сильные по-прежнему угнетают слабых и беззащитных, а богатые обворовывают бедных и обрекают на страдания. И вокруг еще так много бесплодных болот и топей,

и так много сухой песчаной земли, на которой могли бы зреть добрые плоды. И есть еще много сорной травы на нашей земле, и есть еще много пороков и несовершенства в людях!

Но чего может добиться человек в одиночку, будь он даже мудрым и всесильным волшебником?! Понадобятся десятки, нет, сотни волшебников, могучих и добрых, которые могли бы помочь людям, могли бы научить их, как привести весь мир в порядок, изменить его, преобразить и сделать лучше и совершеннее, так, чтобы сама жизнь человека на этой земле стала в радость! Одному мне это оказалось не под силу! Но, я знаю, после меня придут другие, всемогущие, добрые люди, которые изменят мир так, что он станет удивительно прекрасным».

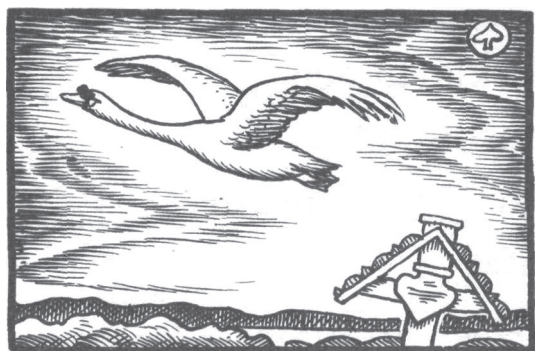
Крабат вздохнул в последний раз и навсегда закрыл свои мудрые, печальные глаза.

16

Торжественным, величественным и горестным было прощание с великим сербским волшебником. Правда, юнкеры в Сархене так и не появились, и не было никого из высокородных господ, богатых и сильных мира сего. И даже король забыл отправить кого-нибудь из камергеров или полковников на похороны того, кто трижды спасал ему жизнь. Но все простые люди, свободные и подневольные, длинной чередой потянулись со всех концов Лужицы в Сархен, чтобы проводить в последний путь Крабата. И все плакали и скорбели по нему.

И когда опускали гроб с телом его в темную могилу, им показалось, будто большая белая птица, быть может, лебедь, поднялась из могилы, а затем, как большое белое облако, поплыла в лазурно-синем небе.

«Это душа великого Крабата, – шептались между собой крестьяне. – Он не оставит нас и позаботится о том, чтобы мы стали свободным и счастливым народом».

Перевод с немецкого К. Бакбергена

